

Нин Цинъян рассеянно кивнул, повернул голову и посмотрел на дверь, погрузившись в раздумья.

Е Цзюньчжу беспечно проспал всю ночь. На следующий день он открыл окно, чтобы проветрить, и увидел, как к оконному проёму прильнуло знакомое широкое лицо. Только на этот раз это была не та женщина-культиватор по имени Му Цин, а очень похожий на неё мужчина.

Е Цзюньчжу вздрогнул от неожиданности, глядя на мужчину-культиватора:

— Даос, ты...

Мужчина-культиватор, словно змея, ловко вполз в каюту, используя и руки, и ноги. Затем он лениво улёгся на бок на полу, усмехаясь:

— Я потерял сознание, почему ты не занёс меня внутрь? Но надо признать, совесть у тебя есть — обработал мои раны.

Е Цзюньчжу, который ничего этого не делал: (๖o๖)...

Мужчина-культиватор повернул голову и увидел Нин Цинъяна, который молча жевал пирожное. Он потёр нос, приподнял бровь и ухмыльнулся:

— Как вкусно пахнет. Эй, маленький уродец, дай-ка мне немного того, что у тебя в руках.

Нин Цинъян покосился на него и невозмутимо продолжал заниматься своим делом.

Мужчина-культиватор не обиделся, лишь покачал головой со смехом:

— Все говорят, что лицо — зеркало души. Уродец и есть уродец, не чета мне, человеку с красивой внешностью и красивой душой.

Е Цзюньчжу молча смотрел на этого заурядной внешности культиватора и вздыхал про себя: «Ну прямо как слабоумный». Вслух же он улыбнулся:

— Позвольте узнать, как вас величать, даос?

Мужчина-культиватор с некоторым пренебрежением посмотрел на Е Цзюньчжу и сказал:

— Привык я к таким, как вы, жабам, которые только и мечтают позариться на мою красоту. Вы бы на свою собственную внешность посмотрели — до того уродливы, что диву даёшься, как природа смогла создать такое. Ладно, уж так и быть, скажу тебе: меня зовут Му Цин — Вода и Древо Чистоты... Хм, есть у меня брат по имени Шуй Хуа, но он ещё уродливее вас.

Е Цзюньчжу решил не обижать слабоумного, дёрнул уголком рта и спросил:

— Позвольте узнать, даос, почему вы решили остаться на моём корабле?

Му Цин вздохнул:

— В этом мире всегда находятся те, кто завидует моей красоте, — сказав это, он, словно любуясь собой, погладил свою щёку. — Кое-кто постоянно за мной охотится. Эх, вот я и решил временно у вас укрыться от бури.

На руке Е Цзюньчжу вздулась вена. В конце концов, не в силах больше терпеть, он как следует избил Му Цина. Тяжело раненный Му Цин, не имея сил сопротивляться, был избит до синяков и опухолей, забился в угол и, достав откуда-то зеркальце, смотрелся в него, вздыхал и то и дело с укоризной поглядывал на Е Цзюньчжу, бормоча жалобы.

Е Цзюньчжу находил Му Цина крайне странным и хотел выгнать его, но Нин Цинъян остановил его.

Нин Цинъян усмехнулся уголком губ:

— Разве учителю не интересно? Вреда от него всё равно никакого, может, пока оставим его и посмотрим, что будет? Забавно, ох как забавно.

Е Цзюньчжу посмотрел на своего маленького ученика с хитрой улыбкой, и глаза его вдруг заблестели. Маленький ученик, такой шаловливый и милый, так и хочется обнять и расцеловать. Когда же он потом узнал, что его маленький ученик — владыка демонов, он был готов убить себя прошлого: «Да разве это шаловливый и милый? Это же сущий извращенец!»

Так учитель с учеником нашли себе развлечение — целый день по очереди пялились на Му Цина. И так продолжалось, пока небо не начало темнеть. Когда же солнечный свет окончательно исчез, черты лица спавшего Му Цина вдруг начали смягчаться, грудь начала округляться, и в конце концов он превратился в женщину — в Му Цин.

Му Цин проснулась, открыла глаза и заметила, что учитель с учеником смотрят на неё горящими глазами. Она слегка смутилась, поёжилась, огляделась и сказала:

— Прошу прощения, когда я отдыхаю, у меня иногда бывает лунатизм. Беспокою вас, даосы. Мои раны почти зажили, так что я откланяюсь.

Е Цзюньчжу махнул рукой:

— Не спешите. Позвольте узнать, кого вы ищете? Может, мы с учеником сможем вам помочь.

Му Цин помедлила с ответом, явно колеблясь, но через мгновение сказала:

— Честно говоря, я ищу своего брата-близнеца. Мы с ним очень похожи. Недавно он совершил в нашем клане несколько проступков, и мне поручили поймать его и вернуть.

Е Цзюньчжу, приняв серьёзный вид, спросил:

— А как зовут вашего брата, позвольте узнать?

Во взгляде Му Цин мелькнуло замешательство. Нахмурившись, она спросила:

— Брат — он и есть брат. Разве ему нужно имя?

Е Цзюньчжу: «...» В её словах вроде бы есть резон.

Нин Цинъян, стоявший рядом, вступил в разговор:

— Ночь темна. Может, останетесь пока здесь, а утром отправитесь на поиски?

Му Цин нахмурилась:

— Утром? А что такое «утро»?

После этих расспросов Е Цзюньчжу всё понял: этот человек днём превращается в мужчину Му Цина, а ночью — в женщину Му Цин, и они не знают о существовании друг друга. Му Цин днём всюду прячется от преследователей, а Му Цин ночью всюду его преследует... Чёрт возьми, это же высший уровень раздвоения личности!

Му Цин была человеком решительным. Она не стала допытываться про «утро», а сразу поднялась и попрощалась. Учитель и ученик не нашли предлога, чтобы удержать её, и с сожалением проводили взглядом.

На следующий день Е Цзюньчжу открыл окно и снова увидел знакомое лицо.

Е Цзюньчжу: «...»

Му Цин отодвинул Е Цзюньчжу в сторону, влез через окно и недовольно проворчал:

— Не ожидал я от вас такого. Пока я спал свой сон красоты, вы меня бросили! Хорошо ещё, что я поставил метку на вашем корабле, иначе не нашёл бы обратно. Не зря говорят: чем уродливее человек, тем больше от него хлопот.

Е Цзюньчжу и Нин Цинъян: «...»

18. Цветок двух полов

Е Цзюньчжу выглянул из окна каюты. Снаружи, у окна, не было ни малейшего места, где можно было бы зацепиться. Непонятно, как Му Цин умудрялся стоять там. Наблюдать за

интересным зрелищем — это хорошо, но держаться подальше от неприятностей — ещё важнее. Е Цзюньчжу посмотрел на Му Цина, который лежал в углу, и спросил:

— Кто ты всё-таки такой?

Му Цин перевернулся лицом к стене, отказываясь говорить с Е Цзюньчжу.

«...» Е Цзюньчжу немного опешил и решил заняться своими делами, дожидаясь ночи, чтобы поговорить с адекватной Му Цин.

Нин Цинъян подсел к Му Цину, наклонился, глубоко вдохнул и сказал:

— Приятный запах.

Е Цзюньчжу, наблюдая за весьма двусмысленным жестом своего маленького ученика, открыл рот и лишь спустя долгое время выдавил:

— Цинъян, что ты делаешь?

Нин Цинъян, уставившись на Му Цина, ответил:

— Учитель, он очень ароматный.

В душе Е Цзюньчжу зазвучал сигнал тревоги. В двадцать первом веке культуры «яой» было хоть отбавляй. Даже натуралы были наслышаны о ней, а некоторые и вовсе открыто этим спекулировали. Е Цзюньчжу ничего против этого не имел, но когда дело касалось его собственного маленького ученика, и он видел, что тот сворачивает «с пути истинного», его первой реакцией было вернуть его обратно.

Нин Цинъян продолжал внимательно разглядывать Му Цина. Внезапно он вытащил шпильку для волос и сильно полоснул ею по шее Му Цина. Тотчас же выступила алая кровь, окрасив и без того пёстрые одежды Му Цина ещё одним красным цветком.

— Ай! — закричал Му Цин, вскакивая и зажимая шею. Он злобно уставился на Нин Цинъяна и заорал: — Ты ищешь смерти!

Вместе с криком Му Цина в воздухе внезапно распространился густой аромат, похожий на цветочный, но настолько сильный, что вызывал тошноту и головокружение. На лице Му Цина проступили странные узоры. Он сделал странный жест, и в каюте внезапно начали проклёвываться маленькие зелёные ростки. Они стремительно выросли, превратившись в лианы, и устремились к Нин Цинъяну.

Е Цзюньчжу поспешно достал ледяную яшмовую жемчужину, чтобы защитить маленького ученика, и, обнажив меч, начал рубить лианы.

Отрубленные лианы продолжали дрожать на полу, пытаясь напасть на Е Цзюньчжу. Он нахмурился: лианы появлялись бесконечно, у него просто не было времени их все перерубить.

Нин Цинъян, стоявший внутри защитного круга Ледяной Жемчужины, усмехнулся уголком рта, достал из кольца-хранилища маленькую зелёную бутылочку и плеснул её содержимым на лианы. Те мгновенно потеряли жизненную силу. Остатки жидкости он выплеснул на Му Цина, стоявшего за лианами.

Почувствовав опасность от жидкости, Му Цин немедленно покинул укрытие лиан и отскочил в сторону. Е Цзюньчжу, выбрав удачный момент, вонзил меч в точку бессмертия на груди Му Цина. Узоры на лице Му Цина постепенно исчезли, и он без сознания рухнул на пол. Лианы в каюте в тот же миг исчезли без следа.

Нин Цинъян в несколько шагов подошёл к Му Цину, достал свой чайник, подставил его под рану и принялся собирать вытекающую кровь. Набрав почти полный чайник, он с удовлетворением убрал его и, проявив милосердие, остановил кровотечение.

Е Цзюньчжу не заметил этих мелких проделок маленького ученика. Он задумчиво смотрел на Му Цина и произнёс:

— Демонический культиватор?

В этом мире только демонические культиваторы в бою не использовали никакого оружия, а применяли в качестве оружия само своё тело. Это было удобнее и гораздо мощнее, чем у людей-культиваторов могли только завидовать.

Нин Цинъян понюхал кровь в чайнике, облизал губы и сказал:

— Цветочный демон. Только цветочный демон может быть таким ароматным.

Е Цзюньчжу только сейчас заметил, что Нин Цинъян пускает слюни на чайник у себя в руках. Он дёрнул уголком рта:

— Цинъян, что ты делаешь?

Нин Цинъян налил немного крови в чашку и сказал:

— Цветочный сок этого демона-культиватора сладок и приятен на вкус. Он повышает уровень духовного восприятия, увеличивает силу и полезен для организма. Учитель, не хотите попробовать? — с этими словами он протянул чашку в сторону Е Цзюньчжу.

Е Цзюньчжу наклонился и понюхал. Он заметил, что от красной жидкости не пахло кровью, а исходил приятный, освежающий цветочный аромат.

Е Цзюньчжу немного опешил. У демонических культиваторов-растений по жилам течёт не

кровь, а их собственный сок. Этот Му Цин, должно быть, был красным цветком, иначе его сок не был бы похож на кровь. Е Цзюньчжу почувствовал некоторое отвращение и покачал головой:

— Учителю не нужно.

Нин Цинъян, услышав это, настаивать не стал. Он выпил всё залпом, а затем причмокнул губами, смакуя послевкусие.

Му Цин потерял много крови и долго не приходил в себя. Когда же он очнулся, то уже превратился в Му Цин. Женщина потёрла лоб и, слегка нахмурившись, сказала:

— Простите, я и сама не знаю, как снова оказалась на вашем корабле, даосы.

Е Цзюньчжу добродушно улыбнулся:

— Пустяки. Видно, такова судьба. Ты получила немало ран, лучше отдохни как следует.

Му Цин опустила голову и оглядела несколько новых ран, появившихся на её теле. Она слегка сжала губы. Иногда, проснувшись, она обнаруживала на себе множество новых ран. Боль была не так страшна, как страх, что однажды во время лунатизма она натворит чего-нибудь ужасного.

Му Цин, достав откуда-то гриб линчжи, застывшие улыбнулась:

— Беспокою вас, даосы.

Е Цзюньчжу принял гриб, и его улыбка стала ещё более доброй. Ему нравилась такая решительная девушка, как Му Цин.

Му Цин нашла угол и села. Только она собралась медитировать, как почувствовала головокружение. Поколебавшись, она сказала:

— Честно говоря, я на самом деле демонический культиватор.

Глаза Е Цзюньчжу слегка расширились:

— Так ты демонический культиватор?

Нин Цинъян, который как раз жевал пирожное и запивал его цветочным соком, повернул голову и посмотрел на своего учителя-небожителя. Про себя он не переставал кивать: «Притворяется он даже лучше меня».

Му Цин настороженно сказала:

— Да. Если вам, даосам, это кажется неудобным, я, пожалуй, откланяюсь. — Она говорила это, но с места не двигалась.

Оправившись от удивления, Е Цзюньчжу улыбнулся с безразличным видом:

— Ты слишком много думаешь. Просто демонические культиваторы встречаются нечасто, вот я и удивился. Можешь спокойно отдыхать здесь, я не буду тебя тревожить.

Му Цин, глядя на Е Цзюньчжу, от которого так и веяло бессмертной благодатью, постепенно утратила бдительность. «Такой благородный небожитель не может быть плохим человеком», — подумала она. И она обратилась в свою истинную форму — тонкую лиану, заползла на потолок каюты и замерла. Это был особый способ лечения для демонических культиваторов: в истинной форме они восстанавливаются быстрее, но при этом становятся уязвимы для внезапного нападения.

Му Цин была неискушённой и легко поверила Е Цзюньчжу. Она даже не подозревала, что в мире существуют такие люди, как «ряженные звери».

К счастью, Е Цзюньчжу не был «ряженым зверем». Он просто был слегка несерьёзен: целый день лежал на полу и, глядя на лиану на потолке, размышлял, что это за растение такое.

— Цветочные демоны — самые глупые из демонических культиваторов в этом мире, — сказал Нин Цинъян, подложив руки под голову. — Учитель, может, заведём её? Сможем и свежий сок пить, и воздух освежать.

То ли услышав это замечание, то ли нет, но цветочные бутоны на лиане съёжились.

Е Цзюньчжу сказал:

— За ней нужно ухаживать, тратить камни духа. Пожалуй, не стоит. Но любопытно, почему этот цветочный демон, приняв человеческую форму, обретает и мужскую, и женскую ипостаси? Днём — мужчина, ночью — женщина. Удивительно.

Нин Цинъян помолчал, а затем с серьёзным видом сказал:

— Учитель, давайте препарируем её.

Два едва распустившихся бутона на лиане, после этих слов Нин Цинъяна, мгновенно втянулись и исчезли.

Е Цзюньчжу с некоторым сожалением сказал:

— Цинъян, не будь таким грубым. Как ты потом будешь искать себе пару?

Нин Цинъян, пожав плечами, ответил:

— Без пары я не умру. Я всё равно останусь с учителем.

Е Цзюньчжу покосился на своего маленького ученика, на лице которого ещё лежал отпечаток юности, и вздохнул про себя: «Слишком он ещё молод».

19. Гора крайнего запада

Мало кто бывал в краю крайнего запада. И дело не в том, что опасности на пути настолько велики, что не стоят того. Просто он слишком далеко. Настолько далеко, что, идя полгода, всё ещё не дойдёшь, и это при условии, что ты за всё это время ничего не делаешь, а только идёшь. Если только у тебя нет крайней необходимости или невероятно жгучего любопытства, никто не станет так тратить время.

К такому выводу пришёл Е Цзюньчжу, пройдя больше полугода. Припасы на корабле закончились, заниматься самосовершенствованием было нельзя, и каждый день они с маленьким учеником от скуки только и делали, что пялились друг на друга, пока не наступали сумерки. Они ложились спать, и ещё один день проходил. А тени края крайнего запада всё не было видно.

Нин Цинъян думал, что за всю свою жизнь он никогда так не жаждал появления врагов, как сейчас. Но в этом высоком небе, за исключением самых невероятных случайностей, не было даже грабителей. Держась за виски, он сказал:

— Учитель, может, добавим камней духа в двигатель, чтобы корабль летел быстрее?

Е Цзюньчжу с сожалением сказал:

— Он и так уже на пределе. Будем ждать ещё, нужно набраться терпения.

— Чего ждать?

— Когда сядет солнце, а потом ляжем спать, — с горечью обнаружил Е Цзюньчжу, что сон стал их единственной отрадой. Самое отчаянное в этом мире — когда не видно ни малейшего проблеска надежды. Порой ему уже хотелось сдаться.

Нин Цинъян закрыл глаза и молча считал время. Ждал долго, а темнота всё не наступала. Он резко сел, повернул голову и посмотрел на яркое небо за окном. Спустя мгновение он вдруг сказал:

— Сейчас час Сюй [7-9 вечера].

Е Цзюньчжу мысленно перевёл время: час Сюй — это 7-8 вечера. Он повернулся и посмотрел на солнце за окном. Вздохнув, он сказал:

— Дни длинные, ночи короткие. Видимо, стемнеет поздно.

Нин Цинъян взглянул на Е Цзюньчжу и сказал:

— Четверть часа Сюй. [~19:15]

«Уже почти восемь?» — удивлённо подумал Е Цзюньчжу, глядя на окно, за которым было светло как в полдень. — Подождём ещё.

Они прождали ещё один час, но светлый день и не думал кончаться.

— Что так жарко? — лиана на потолке переползла в тень. — Вы что, печку включили?

Уровень самосовершенствования Е Цзюньчжу был высок, он слабо ощущал холод и жару, поэтому до сих пор не чувствовал особого зноя.

Спустя некоторое время лиана бессильно повисла, покачивая листочками:

— Куда это вы направляетесь?

Е Цзюньчжу, вспомнив с тоской про веер Хуа Цзинъюя, облизал пересохшие губы и сказал:

— В край крайнего запада.

Листья на лиане, которые совсем было поникли, мгновенно взметнулись вверх. Она пронзительно закричала:

— Почему ты не сказал раньше! Всё пропало, пропало...

Е Цзюньчжу с удивлением спросил:

— Ты знаешь про крайний запад?

Лиана начала хаотично ползать:

— Ясно дело! Я с трудом оттуда выбралась.

«...» Е Цзюньчжу, успокоив мечущуюся лиану, спросил:

— Почему ты сбежала?

Лиана, извиваясь, превратилась в мужчину в пёстрой одежде. Му Цин, скривившись, сказал:

— Ты не знаешь, насколько ужасен край крайнего запада.

Е Цзюньчжу сказал:

— Я весь во внимании.

Му Цин прикусил нижнюю губу и сказал:

— На краю крайнего запада стоит гора. У этой горы две стороны. Солнечная сторона обращена к миру, на ней растут всевозможные диковинные растения и травы. Теневая сторона обращена прочь от мира, мы никогда не сможем перейти через неё. Говорят, там место, откуда рождается солнце. В краю крайнего запада нет ночи. Чем ближе к крайнему западу, тем жарче, но когда ты действительно достигаешь той горы, температура, наоборот, становится нормальной. Я вырос на солнечной стороне. Солнечная сторона — это царство растений. Там нет людей, нет птиц и зверей.

Е Цзюньчжу с недоумением спросил:

— Разве это не хорошо? Что в этом страшного?

Му Цин, стиснув зубы, ответил:

— Жизнь там никогда, ни на йоту не меняется. Разве это не самое страшное? Поэтому я решил покинуть это место. Мне не нужно это спокойствие, которое ничем не отличается от смерти.

Нин Цинъян пнул его ногой. Одежда его распахнулась, обнажив грудь:

— Становится всё жарче. Как нам туда попасть?

Му Цин потёр ноющую от удара задницу. Вся его философия о смысле жизни мигом вылетела из головы. Он сердито сказал:

— Это Небесный закон, защищающий ту гору. Даже если у тебя высочайший уровень самосовершенствования, тебе туда не добраться. Если продолжишь идти вперёд, просто изжаришься заживо!

Нин Цинъян холодно спросил:

— А ты как тогда попал сюда?

Тело Му Цина напряглось, он мгновенно превратился в лиану и пополз к потолку.

Е Цзюньчжу схватил кончик лианы и вздохнул:

— Лучше расскажи всё по-хорошему. У моего ученика характер крутой, а когда он злится, мне хочется тебя побить.

«...» Лиана заёрзала: — Не скажу! Не скажу! Хоть убей, не вернусь!

Нин Цинъян достал меч и сделал надрез на лиане. Из ранки выступил свежий сок. Он холодно усмехнулся:

— Каждый мой вопрос — один разрез. Буду резать, пока сок не вытечет и ты не засохнешь.

Лиана вздрогнула, но всё равно молчала.

Е Цзюньчжу слегка нахмурился, выражая неодобрение:

— Цинъян, твой метод слишком жесток.

Листья на лиане дружно закивали. «Всё-таки культиватор с высоким уровнем рассуждает здраво», — подумала она.

Е Цзюньчжу нежно погладил лиану:

— Даже если она и засохнет, толку от этого мало. Не лучше ли будет растереть её по частям, выжать сок и, на худой конец, утолить им жажду?

Листья на лиане, сверху донизу, задрожали. «Уроды — все жестоки, это не зависит от уровня совершенствования!»

Нин Цинъян серьёзно кивнул и достал инструмент, которым пользовался для растирания ингредиентов для зелий.

Лиана начала бешено раскачиваться и пронзительно закричала:

— Я скажу!

Му Цин принял человеческий облик, забился в угол и жалобно забормотал:

— Большой урод... маленький урод... если бы не мои раны, я бы вас так разделал...

Е Цзюньчжу, дёрнув уголком рта, подумал: «Невежество — это ужасно».

Му Цин, опустив голову, сказал:

— Вообще-то, чтобы преодолеть этот жаркий участок, лучше всего подходит господин Кактус. Но он очень ленив, за сотню лет не сдвинется с места. Однако перед уходом я попросил у него совета. Он сказал, что нужно притвориться мёртвым. Господин Кактус объяснил: если свернуться калачиком лечь на землю, уменьшить скорость испарения воды и надеть его фирменную защитную от солнца кактусовую накидку, то есть сорокапроцентная вероятность выжить.

Е Цзюньчжу счёл первую часть объяснения крайне ненадёжной, поэтому спросил напрямую:

— А что такое «кактусовая накидка»?

<http://bllate.org/book/18830/1833235>